

предпринимателя, потому что правовое положение у индивидуального предпринимателя в хозяйственной деятельности близко к таковому у юридического лица.

В завершении доклада подведем итоги. Прежняя норма об оплате труда работника в случае временного перевода при простое больше учитывала интересы работника – ему гарантировалась оплата не ниже, чем по первоначальному рабочему месту (часть третья ст. 34 ТК Беларуси (в редакции Закона от 20.07.2007)).

С учетом комплексного толкования положений Постановления № 1 сделан вывод, что с 28 января 2020 г. трудовые книжки не оформляются и не ведутся в отношении двух категорий работников: работников, работающих у нанимателей-физических лиц и домашних работников. Такой подход является новшеством для трудового законодательства Республики Беларусь. Вопрос о необходимости трудовой книжки для работников, работающих у нанимателей – физических лиц, как представляется, остается открытым.

Ключевые слова: нормы трудового законодательства, трудовой договор, временный перевод работника, наниматель, трудовая книжка.

Keywords: specifications of labor legislation; employment contract; temporary transfer employee; employer; employee's work book.

Посвящен рассмотрению некоторых норм трудового законодательства, регламентирующих временный перевод в случае простоя, а также отдельные случаи, связанные с трудовой книжкой работника.

The report is devoted to the consideration of some norms of labor legislation governing temporary transfer in case of downtime, as well as individual cases related to the employee's work book.

УДК 321.011

## О ДИСКУССИЯХ ПО ПРОБЛЕМЕ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА

ДАНИЛОВ Ю. Д.

*Брестский государственный технический университет,  
г. Брест, Беларусь*

В последние десятилетия в мире развернулись активные дискуссии по проблемам цифрового суверенитета. Широкий интерес к ним характерен как для демократических стран, так и государств с авторитарными политическими режимами. И это вполне закономерно, потому что в настоящее время мы переживаем эпоху настоящих цифровых трансформаций, которую затрагивают все без исключения стороны общественной жизни. Сегодня «цифровой суверенитет» становится весьма распространённой категорией, а ведущиеся вокруг нее научные споры воспринимаются не просто как дискурсивная практика в политике, а как вполне актуальная правовая и организационная концепция.

Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что летом 2020 года правительство Германии в своей официальной программе председательства в Европейском Совете объявило о намерении «установить цифровой суверенитет в качестве лейтмотива европейской цифровой политики» [1]. И это лишь один из многих эпизодов, в котором данный термин использовался правительством одной из стран для того, чтобы сделать публичной идею о необходимости подтверждения государствами своей власти в Интернете, о долге защитить своих граждан и бизнес от множества проблем, возникающих с его распространением на все стороны общественной жизни.

Уже ни для кого не является секретом, что современная цифровая трансформация и глобальная техническая инфраструктура Интернета бросают серьезный вызов суверенитету государств, независимо от характера их политических систем. Наиболее очевидным фактом такого влияния стало то, что принципы территориальности и государственной иерархии кажутся и становятся противоположными, совершенно чуждыми, рассредоточенными, гибкими и постоянно меняющимися глобальным цифровым сетям. Более того, цифровые приложения и современные методы коммуникации создали толчок, который бросает вызов традиционному правовому управлению и контролю. В результате этого еще в 90-е годы прошлого столетия появились сценарии будущего, при которых исчезновение государств при бурном росте цифровых сетей, становилось вполне вероятным. Наиболее ярко это было отражено в чрезвычайно смелой, достаточно противоречивой и весьма скандальной. Декларации независимости киберпространства, представленной Джоном Перри Барлоу [2]. Сегодня такая точка зрения все также еще очень жива в публичном дискурсе, более того – она чаще оформляется уже как угроза, нежели как предположение.

Существует и еще одна категория требований цифрового суверенитета, которая тесно связана с указанной выше, но довольно отчетливо различается от акцента на автономии государства. Она фокусируется на проблемах автономии национальной экономики по отношению к иностранным поставщикам технологий и услуг. Отчасти, как и в случае с политикой, она касается вопросов экономического самоопределения. Для европейских стран во многом это обусловлено предполагаемым доминированием на рынке высоких технологий компаний из США, а теперь и Китая. Конкретные меры и инструменты, которые нынешние правительства применяют для компенсации этих дисбалансов в цифровой экономике, частично совпадают с мероприятиями, направленными на укрепление технологической безопасности и национальной автономии. Но между ними есть и существенные отличия. Экономические меры, как правило, выступают частью более широкой национальной стратегии экономической и промышленной политики, направленной на цифровую трансформацию целых секторов национальных экономик. Они затрагивают как традиционные отрасли (телекоммуникации, СМИ, логистика), так и новые, связанные с информационными технологиями и продвижением национальной ИТ-мощи, вполне обоснованно воспринимаемого сегодня в качестве важнейшего фактора геополитики.

Кроме того, все большее количество инструментов обеспечения кибернезависимости сосредотачивается на цифровой торговле, они направляются на регулирование рынков и управление потоками данных, транслируемых через цифровые сети. Одним из таких ярких примеров является инициатива по разработке европейского облачного сервиса Gaia-X, реализуемая Францией и Германией

с 2019 года. В рамках данного проекта планируется объединить малых и средних поставщиков облачных услуг в европейских странах с помощью общей платформы, обеспечивающей открытое, безопасное и надежное взаимодействие. Gaia-X, по мнению разработчиков, должна стать альтернативой крупнейшим в мире поставщикам облачных услуг, чаще всего базирующимся в США (Amazon, Google, Microsoft и др.). Особо важно в этом проекте, что он основывается на европейских стандартах защиты данных, которые позволят странам континента сделать важный шаг к цифровому суверенитету, в том числе – и в сфере политических взаимодействий.

Как и в случае с политическим контекстом, цели достижения большей независимости от иностранных технологий и возможностей по продвижению инновационной продукции отечественной индустрии, практически не отличаются в государствах с различными политическими укладами. В демократических странах некоторые мероприятия дополнительно оправдываются и поддерживаются декларациями о необходимости защиты потребителей путем предложения таких технологических услуг. Некоторые из них достаточно эффективно сочетаются с правами пользователей, внутренними законами и нормами стран. В других странах, например развивающихся, меры по обеспечению национального цифрового суверенитета четко направлены на преодоление явления, которое в этих государствах именуется не иначе, как цифровой империализм или цифровой неокOLONIALИЗМ. Оба эти термина используются для описания чрезмерного доминирования западных технологических корпораций на национальных рынках развивающихся стран. Поэтому совершенно не удивляет, что они там понимаются как новые формы гегемонии и эксплуатации. Безусловно, такие трактовки были встречены неприятием и скепсисом в западных кругах, которые попытались обвинить оппонентов в цифровом протекционизме и «возведении барьеров или препятствий для цифровой торговли» [3]. В этой связи интересно отметить, что в то время как в США, где понятие цифрового суверенитета имеет в основном негативный оттенок, потенциально протекционистскими считаются самые разные практики, включая цензуру, фильтрацию, локализацию и прочие меры, используемые для предотвращения дезинформации и защиты конфиденциальности. В Европе и Канаде такие средства применяются в гораздо более узких границах, учитывающих исключительно конкретные торговые ограничения и исключения.

Наиболее большим и активно дискутируемым вопросом в контексте обеспечения цифрового суверенитета является проблема автономности рядовых пользователей и их индивидуального самоопределения. В отличие от первых двух групп требований, эта дискуссия характерна, прежде всего, для демократических стран. Подчеркивая важность индивидуального самоопределения, все рассуждения и утверждения в этой области сосредоточены на проблемах обеспечения автономии граждан в их ролях как сотрудников и работников, пользователей цифровыми технологиями и потребителей цифровых услуг. Важным аспектом этой группы проблем является некоторый, но вместе с тем достаточно видимый, отход от государственного понимания суверенитета.

Здесь, вместо того чтобы рассматривать суверенитет как необходимое условие для осуществления власти на определенной территории, он трактуется как способность отдельных лиц (простых граждан) принимать решения и действовать

осознанно и независимо. Смысл такого понимания исходит из того, что, укрепляя персональные возможности людей, будут одновременно усиливаться и их права как потребителей (экономика), и права как демократических граждан (политика).

Предлагаемые средства для достижения такого суверенитета в цифровой сфере включают разнообразные экономические стимулы для разработки удобных для пользователей отечественных технологий, внедрение технических опций и функций, позволяющих обеспечить эффективное шифрование, защиту данных и ведение бизнеса на основе более прозрачных моделей. Кроме того, подавляющее большинство мероприятий, предлагаемых для достижения индивидуального самоопределения, направлено на повышение медийной и цифровой грамотности пользователей. Предполагается, что тем самым будут укрепляться компетенции и доверие пользователей и потребителей к цифровой сфере в целом как к цивилизационному явлению.

Важным аспектом этой дискурсивной области являются ссылки на технологический или цифровой суверенитет пользователей со стороны технических экспертов и активистов социальных движений. Их точка зрения во многом противостоит и противоречит государственному пониманию суверенитета, подчеркивая в первую очередь важность интересов простых пользователей и их полномочий в цифровой сфере. Предлагаются даже конкретные решения, например путем установления приоритетов в использовании открытого и бесплатного программного обеспечения, предоставления услуг по защите личных данных пользователей от посягательств со стороны IT-компаний.

Следует подчеркнуть, что, хотя некоторые аспекты этой перспективы и некоторые из предлагаемых мер могут совпадать с экономическими и политическими проектами, они по своей природе различны. Более того, отсылки и мероприятия, предлагаемые политиками, стремящимися, как они утверждают, повысить суверенитет пользователей, должны быть очень тщательно оценены самими этими пользователями. Сейчас же, к сожалению, часто случается так, что в большинстве случаев граждан сводят к потребителям цифровых услуг, а не рассматривают в качестве суверенных граждан. Такой подход к «обеспечению» автономии и безопасности потребителей позволяет замаскировать и даже скрыть ресурсы, которые по своему назначению в первую очередь должны служить интересам людей, а не экономическим или политическим целям. В конечном итоге, такая нечестная «игра» приводит к ситуации, в которой основные права пользователей, такие как конфиденциальность или свобода выражения мнений, все больше ограничиваются, а их автономия в цифровом пространстве все более сужается.

Таким образом, ситуация с дискурсом о цифровом суверенитете в настоящее время такова, что его сторонникам следует пересмотреть не только свои концептуальные идеи об управляемости сетевым миром, но и понимать, что в современном мире меняется само понимание суверенитета. Собственно говоря, проблема состоит не в самом обеспечении независимости в киберпространстве, а в его нетерриториальном характере, который прямо противоположен традиционному восприятию суверенитета как явления. Парадигма виртуального мира Интернета становится все более всеобъемлющей концепцией, затрагивающей

не только вопросы интернет-коммуникаций, но и гораздо более широкую область – всю цифровую трансформацию общества.

Традиционный же подход к пониманию суверенитета в основном рассматривался как обязательный к исполнению закон, поддерживаемый четкими структурными договоренностями: такими как государственная монополия на управление обществом, установление законов и даже насилие. В этом контексте государство воспринималось как самодостаточный автономный и суверенный субъект. Однако, как утверждал С. Краснер, такой суверенитет является несовершенным и больше похож на «организованное лицемерие», напоминающее, довольно примитивную Вестфальскую систему [4].

В связи со все более набирающими обороты дигитализацией, глобализацией и платформизацией, ситуация усложнилась. Цифровой суверенитет государства теперь уже не сможет рассматриваться только как способность власти устанавливать, сообщать и обеспечивать соблюдение законов. Представляется, что в дискуссиях о его проблемах явно недостает понимания, что информационный суверенитет глубоко инвазивен. Поэтому идея о необходимости его укрепления означает не только активное управление зависимостями, но и предполагает обсуждение таких аспектов, как создание инфраструктур контроля и предотвращения всевозможных манипуляций. Необходимо гораздо больше внимания уделить тому, как современное общество может бесконфликтно организовать подотчетность себе суверенных государств по всем вопросам внедрения, распространения и функционирования цифровых технологий. Важно определить и найти решения для ограничения монополизма и агрессивной деятельности компаний – интернет-гигантов, сформировать эффективные и универсальные способы защиты человеческих ценностей с помощью ИТ-достижений в рамках активно протекающей цифровой трансформации.

На данный момент очень важно в центр научных дискуссий перенести и вопрос о том, как, сохраняя цифровой суверенитет, использовать его для упорядоченной, ориентированной на ценности, регулируемой и, следовательно, разумной и безопасной жизни людей в цифровой сфере. Он должен обсуждаться как инновационный и универсальный ресурс для решения многогранных проблем обеспечения индивидуальных прав и свобод, сочетаемых с необходимостью предоставления гарантий коллективной и инфраструктурной безопасности, политической и правовой защиты, справедливой экономической конкуренции.

#### Литература

1. Хозяйственно-политическая повестка председательства Германии в Совете ЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/-analitika/2020/an212.pdf> /. – Дата доступа: 14.03.2021.
2. Барлоу, Дж. П. Декларация Независимости Киберпространства / Дж. П. Барлоу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.telecomlaw.ru/articles/declaration.html> /. – Дата доступа: 14.03.2021.
3. Ааронсон, С. А. Еще один цифровой разрыв: рост объемов данных и его последствия для ВТО / С. А. Ааронсон, П. Леблонд // Журнал международного экономического права [Электронный ресурс]. – Том 21. – Выпуск 2. – Июнь 2018 г. – С. 245–272. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/jiel/jgy019> /. – Дата доступа: 14.03.2021.
4. Stephen D. Krasner. Think Again: Sovereign [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2009/11/20/think-again-sovereignty/>. – Дата доступа: 14.03.2021.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, государство, корпорации, личные данные, автономия, дигитализация, глобализация, трансформация.

Key words: digital sovereignty, state, corporations, personal data, autonomy, digitalization, globalization, transformation

Статья посвящена проблемам обеспечения информационного суверенитета государства и личности в условиях глобальной цифровой трансформации общества. Автор раскрывает три основных направления дискуссий, развертываемых в научной среде по данным вопросам. В статье выдвигаются некоторые предложения по актуализации конкретных аспектов дискуссий и практических мероприятий, позволяющих найти и обеспечить взвешенный консенсус между всеми заинтересованными сторонами данного дискурса – гражданами, государством, субъектами экономической деятельности.

The article is devoted to the problems of ensuring the information sovereignty of the state and the individual in the context of the global digital transformation of society. The author reveals three main areas of discussion in the scientific community on these issues. The article puts forward some proposals for actualizing specific aspects of discussions and practical measures that allow finding and ensuring a balanced consensus between all stakeholders of this discourse – citizens, the state, and economic entities.

УДК 341.217(4)

## ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ СПЛОЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

ИПАТОВА О. В.

*Брестский государственный технический университет,  
г. Брест, Беларусь*

Для Европейского союза Восточная Европа (ВЕ) всегда была частью «более широкой Европы», хотя институционализация отношений с ВЕ произошла относительно поздно в рамках Европейской политики соседства (The European Neighbourhood Policy, ENP), Восточного партнерства (The Eastern Partnership, EaP/ВП) и недавно подписанных соглашений об ассоциации (The Association Agreements, AAs).

Процесс европейской интеграции как «европеизация» переместился на Восток и недавно достиг этого самого восточного региона в своей особой форме «внешней европеизации». Это расширение ЕС было очень сложным по историческим и геополитическим причинам. Исторически контакты между Востоком и Западом в экономической, политической и культурной сферах были довольно слабыми в период холодной войны. Восток оставался изолированным от динамически развивающегося ЕС из-за отсутствия интенсивного сотрудничества даже после холодной войны, и хотя эта изоляция уменьшалась, происходил этот процесс очень медленно. Поэтому в восточных регионах европейская идентичность была довольно амбивалентной, что было связано с тем, что идентичность всегда является явлением, исторически детерминированным – между Востоком и Западом существовал своего рода ментальный барьер, в основном